

Безходарнова Александра Леонидовна

Сатанинский век. Воспоминания о жизни в эпоху сталинизма

Да, родились, росли и проживали мы в этот ужасный век. Это Господь Бог послал нам такое наказание за наше богохульство. Заработали – и получили своё. Сатана нам «правил бал»! Вот было – ужас что! Сейчас аж страшно вспоминать.

Родилась я 3-го марта 1926 года в деревне Ка́менка Топки́нского района тогда ещё Новосибирской области, это примерно в 40-ка километрах от города Кемерово (тогда Щегловска). Отцы моих родителей были друзьями с 1-ой мировой войны. И папин отец, дед Филипп, уговорил маминого отца, Василия Ивановича Савельева, перебраться из-под Топко́в, где тот работал при железной дороге, не имея своей земли, в деревню Каменку¹. Деревенька наша была большая, красивая, и располагалась она в красивой пойме речки Каменки, на которой была водяная мельница и пруд при ней. В нём росли красивые кувшинки, а по берегам – черёмуха, калина, смородина. Вокруг были сплошные березняки. На усадьбах жители их вырубали – делали огороды. Мой дедушка – Василий Иванович Савельев – отец мамы (у них была маленькая семья, всего три человека), не стал убирать все берёзы, а оставил их ровно сто белоствольных красавиц. Мы называли это место засе́кой. Красивая была эта засека. Там росли разные травы и цветы. Дом наш на этом участке был небольшой, но не изба, а дом [то есть с четырёхскатной крышей – В.Б.]. Строил его дедушка. Он был пимокат. Бабушка, Степанида Ксенофоновна, тоже умела пимы катать. Даже из соседних деревень к ним обращались за этой главнейшей сибирской обувью. Денег в ходу тогда мало было, и люди рассчитывались за неё в основном овечьей шерстью, из которой опять же делались валенки, на продажу. Дедушка возил их в Топки́ на базар. Жили они хорошо. Но дедушки рано не стало, ещё до моего рождения.

Потом началась коллективизация. Отец моего папы – Филипп Семёнович Писарчук – своих сыновей, а их у него было пятеро, не хотел отдавать в колхоз, понимал, что из этого ничего хорошего не получится. Он отправил их, сначала двоих старших (Антон и папу), в Кузнецк, который тогда начал расширяться уже как будущий Новокузнецк, в связи со строительством КМК [Кузнецкого металлургического комбината – В.Б.]. До́ма оставались пока младшие – Федя, Вася, Егор да Марья.

В Кузнецке мы прожили недолго, так как условий для молодых семей там не было, все жили в одном большом помещении в своих закутках, ничем меж собой не разделённых. Вернулись мы снова в деревню, в свой дом. А пока нас не было, в него

¹ Она сливалась практически с соседним поселением Некрасово, чьё имя и носила в стародавние времена.

временно поселили семью колхозников. Они вырубili весь наш лес, всю нашу засеку пустили под топор. Стали жить мы опять единоличниками. Дали нам за деревней участок земли, где мы сеяли рожь, пшеницу, овёс, просо. А огород был у нас на усадьбе. С трёх сторон её огибала маленькая безымянная речушка. Я всё там смотрела на маленьких рыбок и мальков. Бывало, сделаю из ладоней пригоршню, опущу её в воду, вот мне в неё и наберутся малёчки, полным-полно. Мне это занятие очень нравилось, так я с ними общалась. И воду мы брали из этой речушки, до того чистая и вкусная вода в ней была, зимой иногда в ведро мальки попадались. Посреди деревни речушка эта впадала в Каменку.

В 1934 году началась моя школьная учёба. Школа в нашей деревне Каменке Зарубинского сельсовета Топкинского района была лишь начальная, четырёхклассная, но очень хорошая. Учитель у нас был тоже очень хороший, Леонтий Анисимович, он был чуваш, лет сорока. Две его дочери уже учились тогда в Зарубино в школе-семилетке. Раньше он был священнослужителем. Никогда не повышал голос на учеников и относился к нам как к своим детям. В классе всегда было тихо, мирно, спокойно. Много нам рассказывал интересных историй. До чего хороший был учитель. В 37-ом окаянном году его тоже не обошли стороной репрессии, он был расстрелян сталинскими извергами. Сатана усатая убирал хороших, порядочных людей. Вот враг-то народа был! Столько людей погубил! Во всей стране стоял рёв, плакали дети осиротевшие.

Мой дедушка Филипп не был «кулаком», но не признавал колхозную жизнь за нормальную и всё убеждал сыновей своих уходить в ближние города. И вскоре мой папа поступил на работу в военизированную пожарную охрану в Кемерово, и зимой 1934 года перевёз туда нас с мамой, Пелагеей Васильевной. Дали нам квартиру – комнату в двухэтажном бараке с большим общим коридором. Жили все очень бедно. Семьями ютились в небольших комнатах по обе стороны коридора. Всего на этаже было десять комнат-квартир, на первом этаже столько же, вход с торца барака. Но это лишь половина его, вторая была такая же, со входом с другой стороны здания, то есть весь барак был сорокаквартирник. Нам-то втроём жилось не так тесно. Правда, с нами ещё недолго пожил, прописавшись у нас, папин младший брат Гоша (Егор), перед забором его в армию, чтобы оттуда он мог вернуться уже не в колхозное рабство, а как свободный гражданин. В Кемерово у него была подруга, Оля Кукóба, с которой мы сдружились.

Жили в бараке все дружно, и взрослые, и дети. Все вместе играли в большом коридоре или во дворе, где с обеих сторон барака были привезены для детей две кучи песка. И в школу ходили мы вместе. Училась я там хорошо, даже была отличницей в третьем классе. Но в конце ноября 1937 года моего отца, Писарчука Владимира

Филипповича, примерного работника и «ворошиловского стрелка», забрали в тюрьму НКВД. Как выяснилось потом, по совершенно нелепым обвинениям он и ещё более десяти человек были расстреляны почти без суда и следствия. Это были страшные времена преступного сталинского режима, когда уничтожалось множество невинных порядочных людей. До 37-го года этого почти не замечалось в городском населении, так как “брали” как-то по-тихому и только каких-то избранных. Может и вправду они были тайными врагами той власти, но не народа. А уже к концу 37-го школьные занятия в нашем 4-ом классе начинались почти с поголовного рёва, так как отцов лишились тогда многие дети. Наш молодой учитель (Лопунов А. Пав.) не знал, что с нами делать. Сначала он успокаивал нас как мог, а потом, по наущению старших учителей, начал стрóжиться и ругать нас, и мы постепенно притихли.

После ареста папы нас с мамой выселили из Кемерова, он был тогда режимным городом. А меня и многих ещё школьников сделали “детьми врагов народа”. Правда, в школе нас никто так не называл. Все знали, что это не так. Все ходили под этой пятой, зная, что такое может случиться с каждым. Ужас, что было тогда. Сатана довёл всё население до безумного, парализующего страха. Нет ему прощения! Да какое может быть прощение? Ведь он был не человек, изверг человечества, исчадь ада. Вот как смог всех нас охмурить. Свой кровавый путь он начал с террора, с политического бандитизма. И Ленина, видимо, он убрал, и Кирова – своего соперника. А потом принялся за всех хороших, порядочных людей. Из нашего околотка тогда не посадили ни одного пьянчужку, ни одного забулдыгу. Из барака у нас забрали самых лучших мужиков, тружеников, от которых мы, дети, слов грубых не слышали. Так и Россию всю оголил, создал ГУЛАГ и разные высылки, куда ссылали почти на верную смерть лучшее крестьянство и всех подозрительных, а прямо несогласных тогда уж и не было, видимо, их уничтожали “на месте”, в застенках НКВД. Ужас, что творили с людьми! Оставляли в этой чистке лишь самый “пролетарский элемент”. Вот и “пролетели” мы с ним, все скопом. Почему мы, россияне, такие безвольные, тупые люди? Кому только мы не разрешали глумиться над собой? Огромная, безвольная, убогая Россия. Вот такие мы, русаки, всё терпим, аж до самого смертного часа. А самые рьяные и тупые коммунисты наши считали тогда, что они страну чистят от “всякой нечисти”. Вот и вычистили – от порядочных, умных, хорошо воспитанных благородных людей. Остались со Сталиным и его шоблой, с извергом и тираном, дьяволом. Почти тридцать лет он нас тиранил.

Но самый страшный, самый ужасный – это 37-й год. Массовые аресты. Нет, не забыть мне это время – страшное, безысходное, в мучительных страданиях, незабываемой скорбью оставшееся на всю жизнь. Вот через что мы прошли. А за что этот кровавадный изверг ломал и уничтожал столько миллионов крепких, способных

и честных мужиков? Ведь из тысячи их набралось ли с десятков настоящих врагов новой власти. Даже из дворянских и купеческих родов многие добросовестно принялись служить советской власти, строить новую жизнь – “светлое будущее”. И что с ними стало? Обезглавил всю Россию (СССР), убрал цвет нации, самую «соль земли», этот подлый интриган и садист.

Папу забрали 21 ноября 1937 года. А уже 1-го декабря, как мы теперь знаем из документов по его делу, он в числе других несчастных “соучастников” был осуждён по статье 58-2-4-11 УК, приговорён подлой преступной «тройкой» к ВМН (высшая мера наказания) и 9-го декабря 1937 года расстрелян. Их обвиняли в участии в какой-то “контрреволюционной организации”. А в 1957 году по протесту прокурора г. Кемерово все они были реабилитированы Кемеровским областным судом на том простом основании, что “организации” такой даже и не было в Сибири².

Как я уже сказала, после ареста папы (а фактически уже после его безвинной гибели, но мы тогда об этом ещё не знали) мы с мамой подлежали выселению из города. Но благодаря бабушке и добрым людям, мне всё же удалось закончить 4-й класс в Кемерово³, после чего мы с бабушкой вернулись опять в Каменку, где уже жила мама в маленькой избушке, купленной взамен нашего бывшего дома. Писарчуки тогда уже тоже лишились своего дома. Его раскатали по брёвнышку колхозники и повезли в другую деревню, да по дороге растеряли, видимо, с пьяной радости. Дед Филипп, бабушка Мария Игнатовна (папина мать, в дев. Якубович) да их дочь, моя тётя Маня, стали ютиться в бывшей хомутовке, где раньше у них лошадиное хозяйство хранилось.

А 5-й класс я начала в школе старинного села Зарубино. Там были замечательные учителя, особенно два брата – ... Леонид и Николай Васильевичи(?), один вёл русский язык, другой – немецкий. Жила я там на квартире у колхозников ещё с двумя девчонками и двумя мальчишками из нашей деревни, спали мы на полатах, а на выходной ходили пешком домой. В каждый приход бабушка Марья меня спрашивала: «Не слышно ли что о папе?». Она ещё надеялась на лучший исход, но от всех этих горестей уже лежала больная и вскоре умерла (в 1939 году).

Маме тем временем удалось, закончив курсы мотористов, устроиться на работу на шахту «Пионерка» в г. Белóво, куда мы и переехали, поселившись в районе Бабанаково на улице им. Осипенко, дом 3. И я оказалась ученицей школы №4 города

² Дело по обвинению и реабилитации хранится в архиве Управления ФСБ по Кемеровской области под № ПЗ112.

³ Бабушка моей матери – Савельева (Колотовкина в дев.) Степанида Ксенофоновна – была профессиональной домработницей, её с юности из Мариинска взяли в томский дом купцов Кухтериных, где потом она стала экономкой у Александра Евграфовича Кухтерина. В 30-е годы она была домработницей в Кемерово в семье инженера, где и приютили мою мать – В.Б.

Белово. Учеников в классах тогда было много, человек до 30 и больше. Не помню, сколько было шестых классов, но пятых и седьмых было по пять: от «а» до «д».

Класс наш был хоть и не примерного поведения, но дружный. Да и все классы были такими. Социального разделения ни в школе, ни в населении тогда не чувствовалось, все жили примерно одинаково, бедно. Ведь это была эпоха индустриализации и “колхозного строительства”, все блага для населения обещались в будущем, которого многие так и не дождались. Если сравнивать с нынешним веком, то можно сказать, что ничего же у нас не было – ни поесть, ни попить, ни одеть, ни обуть, ничего не было в свободном доступе. В магазинах тогда не всегда можно было купить даже самое необходимое. Часто нам, детям, за хлебом приходилось занимать очередь с вечера, а рано утром бежать его выкупать согласно занятой вчера очереди. Полегче было тем, кто держал корову.

В школе нашей, как видимо и во многих других, особого культурно-эстетического воспитания не велось, не было для этого и материальной базы, чтобы приобретать музыкальные инструменты и прочее. Не было кружков по интересам. Когда я училась в Кемерово, у нас там был урок пения, и учитель пел с нами, но без музыкального сопровождения. А в Белово в нашей школе даже урока такого не было. Но тяга к чему-то высокому, духовному брала своё, и мы на переменах пели множество разных песен, водя хороводы по широкому коридору. Участники были из любых классов, все кто хотел петь. А кто не хотел – играли на школьном дворе или в другом конце коридора, чаще всего в «кошки–мышки» и в «третий лишний». Пели мы самое популярное, что могли тогда слышать. Из народных песен: «Во саду ли в огороде», «Песню ямщика» («Степь да степь кругом...»), «Запрягайте хлопцы ко́ней...», «Калинку» и другие. Пели много патриотического: «Тачанку», «Три танкиста, три весёлых друга...», много других; потом появилась «Катюша». Тогда из динамиков много несло песен о Сталине, о его курсе и деяниях. Можно сказать, вставали и засыпали с именем вождя, ведь тогда культ его был на подъёме, и мы тоже пели такие песни. Никакого специального руководства нашим пением не было. По спортивной части, кажется, что-то было кроме обычных уроков физкультуры. Помню, наши любители всё строили гимнастические «пирамиды», тогда очень популярные. Обычным развлечением ещё была «лапта», в которую играли в основном мальчишки на улицах, а иногда и в школьном дворе на больших переменах.

Всё же к 1941 году жизнь людей стала помалёнку улучшаться. Но тут грянула война. Это было ужасно. Сразу же сели на голодный паёк. По 400 граммов хлеба нам давали, по несколько граммов муки, масла, мяса. Когда в июне 1941 года мы закончили седьмой класс, школу перевели в десятилетку. Но из пяти седьмых классов набралось всего человек двадцать, готовых продолжить учёбу, то есть на один

восьмой класс. Остальные пошли работать или в ФЗУ [фабрично-заводские училища, по современному – профтехучилища – *В.Б.*]. А нам, будущим восьмиклассникам, вместо каникул вменили отработку в народном хозяйстве, которое быстро скудело мужской рабсилой, так как шла мобилизация на фронт. Мальчишки, их всего четверо пошли в 8-й класс, работали где-то в городе. А нас, девчонок, отправили в дальний колхоз – Сартыки, где мы работали до октября. Там с нами были Евфросинья Ивановна – историк – и её муж – преподаватель физкультуры, потом его забрали на фронт. К занятиям мы приступили тогда не в школе своей, так как её временно заняли эвакуированные с запада какие-то службы, а все классы распределили заниматься по разным квартирам. Но это было недолго, к зиме школа работала уже по своему назначению. Особенно тяжело переживалась эта первая военная зима. Ведь многие семьи в шахтёрском городе не имели больших огородов, и до войны многое из продуктов покупалось на базаре и в ближайших деревнях. Летом 41-го года люди просто не успели озаботиться запасами пропитания, ведь многие верили в быстрый военный успех нашей армии, как это обещалось довоенной пропагандой. С осени начался натуральный обмен: белóвцы в окружных деревнях стали выменивать продукты на разные свои вещи.

Настроение у всех тогда было тяжёлое, тревожное. Приходило понимание, что война надолго затянется, не как финская победоносная. Добровольцев, как было в первые дни войны, резко поубавилось, пошли уже «похоронки» на сыновей, мужей, на старших братьев некоторых учеников. И всё же дети оставались детьми, школьных шалостей не убавилось, скорее наоборот. Может общая нервная атмосфера сказалась, а может потому, что мужчин в семьях и в школе осталось мало, и дети почуяли «вольницу». Особенно плохой дисциплиной отличался наш сборный восьмой класс, и успеваемость за первое полугодие оказалась самой низкой по школе. Но вскоре всё изменилось – в начале третьей четверти у нас появился новый директор школы – Александр Иванович Корольков. По рождению он был иркутянин, но приехал к нам из Москвы, был эвакуирован вместе с внуком дошкольного возраста, так как сын его и сноха были на фронте. Преподавал Александр Иванович русский язык и литературу, и сразу взял на себя руководство самым трудным и отстающим классом, то есть нашим восьмым, и закончили мы его весной уже самыми лучшими по школе. Это был настоящий педагог, как говорится, от Бога. Он много с нами говорил, никогда не повышал на нас голоса, был и строгим, и добрым одновременно. Теперь вот я думаю, что он был, видимо, верующим, а возможно, и потомком декабристов.

Эту последнюю ступень полного школьного образования я проходила уже под другой фамилией, так как меня удочерил отчим – Кириллов Леонид Петрович.

Сначала он был простым шахтёром, а потом – начальником участка на шахте Пионерка, всегда был передовиком производства.

С 42-го года люди начали разводить своё хозяйство: стали на ближайших свободных землях поднимать лопатами целину и сажать картошку, морковь, брюкву и другие овощи, даже сеяли понемногу зерно разное, а в пойме речки Бачат сажали капусту. Помню, мама весной купила на базаре стакан проса и посеяла на нашей делянке в поле, и осенью мы получили с него полмешка муки. На следующий год (1943) она стакан гречихи посеяла, и тоже с него полмешка вышло прекрасной гречневой муки.

А ещё американцы тогда здорово нас выручали, можно сказать даже, спасли многих. Но помощь эта распределялась только по предприятиям. Отчим несколько раз приносил с работы продуктовые наборы в картонных коробках весом около восьми килограммов. Там были: тушёнка, другие консервы, галеты, крупы, финики и многое другое, уж теперь и не припомню всего. Но до сих пор у меня к американцам тёплые чувства благодарности, ведь без их помощи многие из нас не выжили бы тогда. И я не понимаю, почему теперь у нас с ними такая распря. Кроме продуктов они присылали ещё разную одежду, всё было в основном не новое, то, что теперь называется “*second-hand*”, но вполне приличное и качественное. Распределением этого, говорят, занимались жёны начальства. Конечно, самое лучшее они оставляли себе, но и нам, простому населению, доставались хорошие вещи, и все были этому рады, ведь мы такого и до войны не видывали. Эта одёжка не только прикрывала наготу нашу, но ещё грела тело и душу. Помню, из поношенного мне достались красивые сарафан и халат – тёплый, добротный. Помню очень красивую шерстяную кофточку, почти новую, и совсем новое демисезонное пальто суконное, я носила его и потом в университете. А вот обувь не помню, присылали нам или нет. Даже и до войны простые калоши резиновые доставались лишь по благу, а в войну тем более проблема обувки обострилась. У нас она решалась оригинально: отчим шил тапочки из «шахтёрских ремней», то есть из отработанной транспортёрной ленты прорезиненной. Он шил и себе, и нам с мамой, и не только для дома, но и для уличных работ, и в колхоз я в таких ездила.

Несмотря на все трудности, певческая традиция нашей школы продолжалась, только репертуар изменился, он пополнился военными песнями. Прежде всего, это «Священная война» – «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». Пели много других новых песен: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва...», «Летят перелётные птицы...», «Могучая, кипучая, никем непобедимая, страна моя...» и другие. Но кроме хороводного пения, с приходом Александра Ивановича появились и новые формы нашего творчества. Он завёл такой порядок, что каждую субботу по

очерёдности какой-нибудь из старших классов давал концерт. Ещё в Кемерово папа научил меня играть на балалайке, ведь вся их семья большая была очень музыкальная. А в Белово мне купили ещё гитару, и я много чего играла на этих инструментах, и в школе на субботних концертах я часто аккомпанировала нашему пению. А Петя Левашов из нашего класса играл на скрипке, тоже аккомпанировал и обычно руководил нашим выступлением. Ещё помню, какой-то мальчишка, из младших классов, играл на гармошке и тоже иногда аккомпанировал. Эти концерты проходили на импровизированной сцене – в левом конце общего широкого коридора, как раз напротив нашего класса. Кроме музыкального творчества, в школе появилась и драматургия, стали разыгрывать небольшие представления, в основном по произведениям из школьной программы. Но для этого нашей «сцене» нужен был занавес. А где ж его было взять в то время? И вот всем классам было поручено приносить из дома ненужные кусочки разных тканей. Это были разноцветные полоски и лоскутки. Несколько матерей долго сшивали их в пёстрые половинки будущего занавеса. И это им удалось – занавес получился большим и эффектным, ведь многие зрители видели на нём и свой вклад в это произведение народного творчества.

Так вот и жили, с горем и радостью пополам.

С девятого класса нам позволили рассаживаться по своему желанию, и мы сели за парту с моей подружкой Катей Кистиневич. Она была небольшого роста, но очень красивая и способная девочка. Мы с ней жили недалеко друг от друга и часто общались вне школы. У неё была старшая сестра, тоже небольшая и красивая, она училась на два класса старше нас. Отец их был на фронте, но среди войны вернулся домой, видимо по ранению. Хорошо помню как он вернулся, я как раз была у них дома. И так мне стало обидно и горько, что мой папа уже никогда не вернётся ко мне. Домой пришла я в слезах, и получила от мамы нагоняй за эту слабость.

С началом войны, как и во всех почти школах сибирских городов, наши классы пополнились эвакуированными с запада новичками. В восьмом классе, помнится, я сидела с Адой Лучко. Их с матерью эвакуировали к нам из Белоруссии сразу после нападения Германии. Её отец тогда уже воевал с фашистами, и сестра старшая тоже была на фронте. Мать её стала работать воспитателем в детском садике рядом со школой, куда их поселили на житьё. Ада тоже там работала, после занятий. Там они и кормились. Это была высокая красивая девочка, училась она хорошо и очень хорошо пела. Сёма Гинзбург – скромный, нормальный парень из Москвы, хорошо учился. Рыбин – совсем тихий, даже не помню, откуда он был эвакуирован. Мишка Мэр – одесский еврей, учился он на два класса младше нас, но выглядел старше своих лет и общался всё время с нами, то есть с самым старшим классом.

Кроме одноклассников, помнятся ещё кое-кто из учеников. Вот Дуся Гордеева – она была старше нас, крупная статная девушка, очень хорошо пела и вообще была заводилой и активисткой разных мероприятий. После седьмого класса она где-то работала или училась, а в войну пошла на фронт. Весной 1944-го она приходила к нам в школу, в военной форме, и Александр Иванович целовал ей руку.

Вася Балыков – жил почти напротив нашего дома. С ним мы играли в лапту в одной команде. Он был помладше нас, но сам ещё перед войной зачем-то добавил себе возраст, и его забрали на фронт, хотя на вид он был ещё совсем мальчик. Он приходил ко мне проститься. С войны он не вернулся.

Летних каникул тогда у нас фактически не было, так как старшеклассники привлекались к трудам всенародного тыла, под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы». Мальчишки наши работали в городе, а нас, девчонок, отправляли в колхоз. И все военные годы летом мы были на прополке и уборке урожая, и занятия начинались с октября. После 8-го и 9-го класса с нами на этих работах был пожилой уже преподаватель естествознания и завуч Тимофей Иванович. После 8-го класса отправили нас в ближайший колхоз Вишнёвский. Он был самый захудалый в округе. Председатель был пьянчужка, демобилизованный с фронта. Помню как он, приехав на поле и увидев вздремнувших после обеда женщин-колхозниц, начал сильно ругать их, ставя нас в пример: «Дети (!!) работают, а вы разлеглись...». Но мы относились к ним с пониманием, ведь у нас там не было других забот, а им-то ещё приходилось и дома своё хозяйство вести, детей опекать. Очень их изматывала тогдашняя жизнь, и хоть чуток отдохнуть среди дня им было просто необходимо. Нам в этом хозяйстве тоже нелегко приходилось, питание было скудным, но для многих оно было лучшим, чем дома, ведь многие семьи тогда оставались без кормильцев и просто бедствовали. Так, с нашей бригадой старшеклассниц была отправлена и 12-летняя девчонка из семьи подмосковных эвакуированных, чтобы им легче было выжить в Белово. Работала она наравне с нами, но при случае так материлась, что мы и не слыхивали такого от сибирских детей и женщин.

На следующий год нас снова туда послали, но почти сразу же неожиданно увезли оттуда (на телегах) в отдалённый, но очень хороший колхоз – в Сартыгой, где жили одни чуваша, и наш Тимофей Иванович, будучи сам чувашом, легко находил с ними общий язык, в прямом и переносном смысле. Там председателем была женщина. Нас, неожиданно нагрянувших, она приняла и разместила на ночь у себя дома, накормив великолепным белым хлебом с молоком. На следующий день мы обосновались в тамошней школе. Меня назначили поварихой, но каждый день мне выделяли помощницу, с которой мы приносили ведро обрата с «молоканки» и готовили еду на всю нашу бригаду (около 20-ти человек).

Ещё до окончания школы наш класс покинули эвакуированные ребята, возвращаясь в освобождённые свои города, и закончило 10-й класс нас всего 14 человек. Но задолго до окончания школы Александр Иванович как бы исподволь готовил нас к самостоятельной жизни, к выбору профессии и высшему образованию. Он много с нами говорил на разные темы, ориентируя на правильное поведение в той непростой жизни с тотальной несвободой почти во всём. Незадолго до окончания школы он заставил нас написать свои автобиографии, зная, что это придётся нам делать при поступлении в ВУЗы или в другие заведения. Я стала описывать все основные этапы моей тогдашней короткой жизни, не утаив и факт потери отца в репрессиях 37-го года. Но мудрый Александр Иванович, глянув на мою писанину, тихо, но убедительно мне указал, что этого писать не надо. Ведь такая правдивость в то время гарантировала непоступление в любой ВУЗ.

Родители наши старались, как могли, принарядить нас к выпускному вечеру. Чтобы достойней отметить моё окончание школы, мама почти год по выходным носила на базар продавать молоко и сметану от нашей коровки Нинки и купила мне туфли на каблуке и шёлкового полотна светло-жёлтого на платье.

Несмотря на тяготы войны, руководство шахты устроило нам на выпускной вечер шикарное по тем временам застолье с хорошей едой, и даже вина было предложено немного выпить. Ведь мы были первым выпуском единственной тогда школы-десятилетки в районе шахты. Застолье было в правой стороне нашего огромного коридора, а в левой половине были танцы. И под конец, выйдя на большое наше крыльцо, мы пели все любимые наши песни, и в качестве прощального гимна — замечательную песню тех лет «Прощай любимый город». И Александр Иванович с нами пел. Но кроме нашей школы, в Белово были ведь ещё школы-десятилетки. И в одной из них городские власти устроили объединённый выпускной вечер. И туда мы тоже ходили, пешком, ведь городского транспорта тогда не было. Правда, пошли не все, кое-кто посчитал свои наряды недостаточно хорошими для общегородского торжества.

После школы, летом 1944 года, несколько из наших одноклассниц уехали поступать в киевский мединститут. И поступили, не зря ведь школа готовила нас. Я тоже хотела с ними ехать, но мама не пустила меня в такую даль, и правильно сделала. Ведь уже зимой четыре из шестерых уехавших туда девчонок вернулись — нелегко тогда было в послеоккупационном Киеве учиться и выживать. А я поехала в Томск и успешно сдала экзамены в мединститут. Но вернувшись домой после зачисления, я не позаботилась вовремя о повторной поездке уже на учёбу, ведь тогда надо было заранее оформлять пропуск на проезд, время-то было военное. В итоге я опоздала на целый месяц и меня отчислили. Иду по Университетской роще и плачу, а

навстречу мне девчонки, с которыми я поступала и тоже опоздавшие, но они уже перевелись в университет на геологический факультет, где был тогда большой недобор (в связи с нехваткой парней, видимо). И меня они убедили так сделать. И я до сих пор благодарю судьбу, что так вышло, ведь я не только обрела полюбившуюся мне профессию минералога, но и на пятом курсе вышла замуж за студента-геолога из политехнического института, с которым мы прожили более 60 лет, народив пятерых детей, от которых мы получили восьмерых внуков и 12 (пока) правнуков.

Но тогда, в послевоенное время, сатанинский век ещё не окончился, и прежде чем закончить своё повествование, хочу поведать ещё кое-что о продолжении того подлого сталинского режима. Видно, мало крови и слёз российских ему оказалось, пролитых во время «большого террора» и в войну, а войну – так бездарно встреченную, унесшую ещё больше 25 миллионов не худших российских граждан. Эти грандиозные жертвы, видно, только обострили садистские наклонности кровожадного вождя. Он уже не мог остановиться. Даже после патриотического единения народа и победы над фашизмом, ему всё ещё нужны были «враги» и жертвы. Оставшихся рабочих и крестьян трогать было неразумно, итак истреблены были сильно, а страну ведь из руин поднимать надо было. Так он за интеллигенцию принялся, особенно еврейской национальности. Мало, будто, Гитлер евреев наказал, так и наши “братья по классу” решили на них отыграться. «Дело врачей» в столицах затеяли. И по всей стране, в вузах и научных центрах прежде всего евреев гнобили и увольняли, это ещё в лучшем случае. Да и множество преподавателей и учёных всех других национальностей Советского Союза тогда оказались под прицелом недремлющего, бдительного ока «компетентных органов», не удовлетворивших ещё аппетита ненасытного кремлёвского «усатого горца».

Пострадали также и наши университетские доктора-профессора. Баженов Иван Кузьмич, он “полетел” первым. В это время (в 1949 году) я писала диплом, и в нём были ссылки на работы Ивана Кузьмича. А руководителем моим был профессор Александр Яковлевич Булытников⁴. Он читает мой текст и печально так, глубоко вздохнув, говорит: «А ссылки на Ивана Кузьмича *пока* делать не надо». Мне пришлось многое переписывать⁵. Мы тогда ещё не знали, что Иван Кузьмич уже был арестован. За что?! Такой хороший был человек, учитель, преподаватель. А для Александра Яковлевича это «*пока*» длилось недолго, так как его самого и всех наших профессоров посадили вслед за Баженовым. Был арестован и звезда нашего

⁴ Они с Иваном Кузьмичом были наиболее близки, так как оба вышли в науку из «нижних» сословий.

⁵ Мать тогда была уже замужем, и мой отец помогал ей править этот дипломный проект – выскребал из текста ссылки на работы И. К. Баженова.

факультета – профессор-палеонтолог Венедикт Андреевич Хáхлов, очень добрый, умный, весёлый, но своенравный вольнодумец. Он был аристократ. Большой, тучный, добродушный, всегда вселял и поддерживал в нас оптимизм своими шутками и всем видом. Все они оказались «врагами народа». Обезглавили весь наш небольшой геологический факультет. Вместе с ними ещё попал и наш просто преподаватель, который вёл у нас практику, Николай Евгеньевич Мартьянов.

Иван Кузьмич Баженов в то время злополучное был у нас деканом и читал нам курс минералогии. На экзаменах был требователен, зря пятёрки не ставил. Наши ребята говорили, что Иван Кузьмич раньше был матросом. На вид он был среднего роста, лысеющий и седеющий, но стремительный, всё куда-то спешил, и нас подгонял. Бывало, встретится с нами в коридоре – обязательно остановится, поговорит и в конце добавит: «Давайте-давайте – сдавайте, сдавайте».

Было у него два сына, оба стали геологами⁶. Но он своих сыновей учиться определил в институт политехнический (ТПИ), видно не хотел, чтобы его дети учились под его руководством. Старший – Александр. Он учился после фронта, когда пришёл с войны, имея боевые награды. Учился он в ТПИ в одной группе с моим будущим мужем. Скромный был, но держался с достоинством. Сокурсники относились к нему с уважением, звали его по имени-отчеству. Группа у них была маленькая, почти одни парни, и все отличники были на первых курсах, поэтому их называли «краснознамённой» группой. Младший сын Ивана Кузьмича – Володя. Он наш ровесник. С ним мы вместе слушали лекции по разведочному и горному делу у политехников, так как в университете у нас не было такой кафедры. Володя тоже был очень скромный, тихий молодой человек.

А когда арестовали нашу профессуру, было так страшно. Ведь страхи 37-го года ещё никуда не делись! Все дрожали. Вождь-изверг всех нас держал в «ежовых рукавицах». Нет ему добрых слов! Среди студентов тоже было оцепенение. Всего боялись. Были сдержаны с детьми нашей «полетевшей» профессуры. Вот и сейчас, когда я пишу об этом, у меня всё дрожит – мне плохо. Мысли в моей голове роются, не могу ухватить...⁷

Продолжаю. «Полетел» наш Иван Кузьмич аж на Колыму. Как-то в руки мне

⁶ На самом деле у И. К. Баженова было три сына. Но самый старший был военным и в Томске тогда не жил. Говорят, он приезжал в Томск на похороны отца, будучи уже в чине генерала-полковника.

⁷ Тогда не только из ТГУ, но также из ТПИ многих профессоров и учёных-геологов забрали (Шахов Ф. Н., ..., Томашпольская Веля Даниловна, которая в тех застенках чуть с ума не сошла). Как и «дело врачей», вся эта мерзкая НКВДешная компания выглядела как «лебединая песня» закоренелого садиста Кобы Джугашвили, то есть сталинизма, о возрождении которого ещё мечтают многие наши не весьма осведомлённые граждане. Возможно, многие из них – это потомки участников тех подлых дел. И некому их «натывать носом» в дерьмо нашей истории.

попала статья одной из его учениц. Она работала на Колыме и там повстречалась с Иваном Кузьмичом. Он ведь уже был в преклонном возрасте. Худенький, сухонький, в арестантской одежде – шапчонка, телогрейка. Поговорила она с ним, сняла с себя свою меховую шубку и надела на него. Нелегко пришлось и его детям. Александр Иванович, будучи до этого в активе общественной жизни и в почёте у партийного и учебного начальства, получил вдруг полную обструкцию, все от него отвернулись. Несмотря на фронтовую закалку, он такого перенести не мог и сильно заболел, слёг и нигде не показывался. Мой муж ходил к нему домой несколько раз, просто поиграть с ним в шахматы, поддержать морально. И эта поддержка отозвалась глубокой благодарностью со стороны Александра Ивановича на всю жизнь. И через много лет, живя в Бийске и затем в Новокузнецке, мы получали от него краткие весточки на открытках, даже из Алжира, где он преподавал геологию на французском языке.

Ещё знаю, что когда везли на восток кого-то из профессоров, кажется, Шахова, то где-то на станции, в Анжерке или в Мариинске, ему передали целую корзину продуктов с краткой запиской: «От учеников». Ведь все мы, студенты, среди которых было немало и фронтовиков, понимали тогда, что учителей наших ни за что забирали, что это очередная волна мерзких репрессий, «лебединая песня» “всемирно любимого” вождя-деспота, и что этому должен быть когда-то конец. И он наступил, как ни кричали «ура, да здравствует товарищ Сталин». А когда подох, многие вздохнули с облегчением и надеждой. Но были и такие, которые искренне плакали о нём. Вот такой был наш «сверхчеловечный человек». Тиран и деспот! Сколько же горя он нам принёс, сколько же погубил людей он! Нет и не должно быть ему доброго слова и светлой памяти.

А всем загубленным и ушедшим уже пострадавшим от того сатанинского века – Царствие небесное им всем!

Теперь мы живём хорошо. Всё пережили, всё перетерпели. Слава Богу! Обидно только, что и сейчас ещё немало находится сторонников сталинских методов и “достижений”. Вот и у нас в Новокузнецке коммунисты затеяли было памятник Сталину ставить, да вряд ли им такое удастся. Шахтёры и весь рабочий здравомыслящий люд сметут такую гадость вместе с заядлыми сталинистами. И спасибо нынешним властям, что не идут с ними ни на какие компромиссы по этому вопросу. Думаю, что если бы у руля страны в те страшные годы стоял не Сталин с его фельдфебельской кликой и с ефрейторской сворой на местах, а те, кого они уничтожили и разогнали по всему миру, то населения в стране и успехов России было бы гораздо больше. А те, кто уповает на мифические успехи сталинизма, не желая знать настоящую историю своего государства (и какой громадный потенциал развития

имела Россия до революций), это или непросвещённые обманутые люди, или потомки палачей и сподручников того зверского режима. Им-то нужней всего под оправданием сталинизма оправдать и деяния своих предков, для самоуспокоения совести хотя бы. О покаянии у них вопрос не стоит. Не хотят они вытаскивать на свет Божий кровавые следы своих кумиров. И самих бывших доносчиков («осведомителей») и причастников тех подлых дел ещё немало топчут землю и память людскую. Им бы, конечно, лучше замести все следы тех подлостей. Но это им не удастся, правда всё равно пробьётся, должна пробиться. Да и не так просто теперь убить в людях память о прошлом. Уже не может быть той монополии на всё, какая была в стране “победившего социализма”, победившего свой народ, прятанного страну от самой себя. Дай Бог и им когда-нибудь прозреть от пробудившейся совести.

Дай Бог и вам всем всего хорошего.

А. Л. Безходарнова

Июнь–ноябрь 2016 г.

Кроме комментариев по тексту, ещё от себя хотел бы добавить посвящение этих воспоминаний (как кусочка народной памяти) будущим поколениям:

*Бытосказаниям земли,
Потомок, с юности внемли,
Их незатейливым суждениям.
От поколения к поколениям
Чтоб нить живая не рвалась,
Чтоб подлой тьмы рассеять власть.*

В. Безходарнов

Безходарнова (Кириллова – по отчиму) **Александра Леонидовна** (Владимировна – по родному отцу). Родилась 03.03.1926 в д. Каменка Кемеровской обл. Закончила школу в г. Белово в 1944 году, тогда же поступила учиться в Томский госуниверситет на геологический факультет. Закончив его, работала до пенсии в Северо-Алтайской геологоразведочной экспедиции (г. Бийск), заведующая там минералогической лабораторией. Затем переехала в г. Новокузнецк, куда мужа перевели возглавлять вычислительный центр Западно-Сибирского геологического управления.

Награждена медалью «Мать-героиня» III степени. Пенсионерка, живёт в Новокузнецке.

Об отце сообщает: **Писарчук Владимир Филиппович** (1906–09.12.1937)

родился в Белоруссии в с. Обово Пинского уезда, откуда вместе с родителями в 1910 г. был переселён (по столыпинской реформе) в Томскую губернию, в д. Каменка (ныне Кемеровская область, Топкинский район, но деревни уже нет). С детства и юности он и его братья занимались крестьянским трудом в единоличном хозяйстве родителей. О каком-либо школьном обучении детей этой семьи сведений нет, хотя все они были обучены грамоте, и папа любил читать книги. В колхоз семья не вступала, так как дедушка Филипп Семёнович не видел в колхозном строе серьёзного, стоящего дела. По его настоянию все сыновья его отправились по ближайшим городам искать лучшей доли, чем просматривалась в бездушном и бестолковом закабалении деревни. Папа ушёл на строительство Кузнецкого металлургического комбината (ныне город Новокузнецк). Затем он — работник военизированной пожарной охраны промышленных объектов в Кемерово, «ворошиловский стрелок». В конце ноября 1937 года был репрессирован органами НКВД вместе с ещё десятком таких же невинных жертв сталинского режима — государственного политического геноцида. Их всех обвинили в надуманной причастности к контрреволюционной организации, которой (как потом выяснилось) даже и не существовало в Сибири. Следствие по этому “делу” вёл некий ефрейтор Юдин, видимо привлечённый из системы МВД, так как штатных НКВД’ешников уже не хватало для той грандиозной компании устрашения всего российского населения. Этот “стахановец” тюремного ремесла только за несколько дней “разоблачил” более десяти невинных людей, а лихая «тройка» тут же приговорила их к ВМН (высшей мере наказания) и, не мешкая, привела к исполнению, нагоняя, видимо, спущенный сверху расстрельный план к концу года.